

Люй Фэн полагал, что праздничные дни будут тянуться невыносимо долго. Но, вопреки ожиданиям, время пролетело незаметно: он увлеченно собирал макет «Безмятежного пейзажа гор и вод» и обо всем на свете болтал с Зоттелем, обсуждая красоты китайской природы.

Этот австралиец, удивительно легко изъяснявшийся по-китайски, на самом деле ни разу не бывал в Поднебесной. Зоттель жадно расспрашивал обо всем, что упоминал Люй Фэн. Впрочем, больше всего его привлекали не природные ландшафты, а исторические памятники и древнее зодчество.

— Когда ты описываешь природу, все эти озера и моря кажутся мне мало чем отличающимися от австралийских, — признался Зоттель. — Но стоит заговорить о китайской архитектуре... Я даже по скорости твоих ответов чувствую, как в каждой строчке сквозит гордость. Да ты и междометия со знаками препинания использовать начинаешь совсем иначе!

Люй Фэн удивленно замер. Он пролистал переписку вверх и обнаружил, что при описании архитектурных шедевров его лексика действительно становилась гораздо богаче банальных штампов вроде «живописные кручи» или «красиво, как на картине». И восклицательные знаки он ставил гораздо чаще.

Галерея Цяньбулан, мраморные балюстрады, река Цзиньшуйхэ и врата Чэнтяньмэнь в Запретном городе.

Оборонительные валы, заставы, сторожевые башни и пограничные рвы Великой стены.

Величественные дворцы, зеркальные озера, бескрайние равнины и лесистые холмы Горной виллы в Чэндэ.

Резные дощечки с изречениями, парные надписи на колоннах, искусная резьба и каменные стелы в садах Сучжоу.

Каждое из этих древних строений когда-то было предметом его страстных научных изысканий. Разъясняя их особенности, Люй Фэн невольно переходил на глубокий архитектурный анализ — и это, разумеется, звучало совершенно иначе, нежели стандартные восторги туристов!

Он улыбнулся и быстро набрал ответ:

— Мой проект «Безмятежный пейзаж гор и вод» родился как раз под впечатлением от этих творений. Ландшафты в разных уголках мира могут быть похожими, но традиционная китайская архитектура неповторима. Это квинтэссенция цивилизации, которую наш народ созидал тысячелетиями. Наверное, поэтому я пишу о ней с особым трепетом.

Даже сменив поприще и выбрав путь проектирования инфраструктуры для своей страны, он все еще чувствовал за спиной колоссальную тяжесть родной культуры. Стоило взять в руку

карандаш, как перед мысленным взором сами собой возникали изогнутые карнизы, парящие галереи и расписные балки. Любовь к этому искусству осталась в его крови навсегда.

Так Люй Фэн превратил законный отпуск в период плотной работы над «Безмятежным пейзажем гор и вод». Проект умного города на стыке природы и урбанистики, так долго пылившийся на полке, наконец продвинулся вперед.

Завершив рендеринг, Люй Фэн уже собирался отправить файл Зоттелю, но внезапно вспомнил об Инь Ицяо.

Он отчетливо помнил негромкий, спокойный голос старшего соученика:

«Надеюсь, я стану первым, кто увидит твои чертежи».

Этот невероятно гордый, бескомпромиссный человек провел за рулем двенадцать часов, проехал с ним всю гору Чёрного Воробья вдоль и поперек и нарисовал для него эскиз взмывающего в небо дракона. И за все время попросил взамен лишь об одном.

Люй Фэн взглянул на экран, где красовались безупречно смоделированные изящные беседки и переходы, и почувствовал легкое, непривычное волнение. Точно такое же чувство он испытывал в студенческие годы, отправляя курсовой проект учителю. Даже вводя адрес электронной почты, он несколько раз перепроверил знакомую череду символов.

Как только письмо ушло, Люй Фэн открыл WeChat и написал Инь Ицяо.

В Великобритании стояла глубокая ночь, однако не прошло и минуты, как экран телефона вспыхнул от входящего видеовызова.

— Старший соученик, — удивленно произнес Люй Фэн, принимая звонок. — Ты почему еще не спишь?

На экране появился Инь Ицяо. Он был в строгом костюме, хотя верхние пуговицы рубашки уже были расстегнуты, а галстук-бабочка небрежно развязан. Его взгляд казался слегка затуманенным, подернутым хмельной дымкой, но в самой глубине глаз горели яркие искры. Было очевидно, что он не только что проснулся, а, скорее всего, бодрствовал до рассвета.

Тем не менее Инь Ицяо мягко улыбнулся и негромко, бархатным голосом произнес:

— Не спится. Я долго думал, в чем причина этого беспокойства... Оказывается, я просто ждал тебя.

Он редко позволял себе подобные откровения. Улыбка коснулась его глаз, и каждое слово Инь Ицяо отозвалось в душе Люй Фэна странным, пьянящим теплом. За окном в Цзиньчэне уже вовсю сияло утреннее солнце, но из-за этого взгляда Люй Фэну показалось, будто он сам перенесся в интимный полумрак лондонской ночи, наполненный едва уловимым ароматом дорогого алкоголя.

Люй Фэн заворуженно наблюдал, как Инь Ицяо установил телефон на подставку, слегка вальяжно откинулся на спинку дивана и открыл ноутбук.

— Показывай свою галерею.

Инь Ицяо был заметно воодушевлен. Он даже по-детски потер глаза пальцами.

— Надеюсь, там есть отражение в воде? Без него невозможно передать всю прелесть гармонии архитектуры и ландшафта в восточной традиции.

От этих слов Люй Фэн занервничал еще сильнее. Ситуация один в один напоминала сдачу проекта строгому учителю, который собирался выставить оценку прямо сейчас!

— Ты разве не устал? — поспешно спросил он. — Можешь посмотреть позже.

— Вовсе нет, я не устал.

Уголки губ Инь Ицяо поползли вверх, и он тепло посмотрел в камеру.

— У меня давно не было такого прилива сил. Дело в том, что сегодня вечером я присутствовал на церемонии награждения за проект библиотеки Литы.

Хмель придавал его голосу глубокие, бархатистые интонации. С нескрываемой нежностью он заговорил о здании библиотеки:

— Это всего лишь небольшая муниципальная награда. Но меня до глубины души тронуло то, что каждый гость, каждый журналист подбирал самые изысканные эпитеты, чтобы выразить свое восхищение.

— Сяо Фэн, она получилась невероятно красивой.

Инь Ицяо подпер щеку рукой и тихо, почти со вздохом добавил:

— Ведь в основе этого чуда лежит твой замысел.

Он кликнул мышкой, открывая свежую модель «Безмятежного пейзажа гор и вод», и его взгляд скользнул по изящным очертаниям крыш и переходов, отражающихся в виртуальной глади озера. Еще мгновение назад Инь Ицяо казался засыпающим от усталости пьяным романтиком, но при виде макета он мгновенно подобрался.

Он вглядывался в работу Люй Фэна так пристально, что хвалебные слова замерли у него на губах. Его брови медленно поползли к переносице, стягиваясь в суровую складку. От недавней мягкости не осталось и следа.

В тишине кабинета зазвучал строгий, профессиональный голос архитектора:

— В расчетах консольного выноса крыши допущена ошибка. Если сохранить эти пропорции, нагрузка от кровли со временем просто раздавит несущие колонны.

Люй Фэн послушно кивнул:

— Хорошо, я проверю...

— Кроме того, по твоей задумке, эта галерея должна располагаться на озере рядом с общественным центром. Значит, при проектировании ты обязан учитывать стилистическое единство всего комплекса. А этот силуэт выглядит слишком архаичным. В нем совершенно потерялась та легкость и современность, которая изначально отличала «Безмятежный пейзаж гор и вод».

— Да, я переделаю...

Конструктивная критика Инь Ицяо заставила Люй Фэна невольно выпрямиться. Перед глазами сразу всплыли воспоминания о работе в архитектурном бюро «С. Е», где старший соученик точно так же, не колеблясь, указывал ему на малейшие огрехи в трехмерных моделях.

Всего пару минут назад этот человек пьяно восхищался его талантом, называя его творения лучшими в мире. А теперь безжалостно препарировал проект, вынося жесткий вердикт профессионала. Возможно, алкоголь лишь обострил его принципиальность и заставил прямолинейно отстаивать свои убеждения. Инь Ицяо не собирался делать скидки. Он указывал на каждую ошибку с такой суровостью, словно Люй Фэн стоял прямо перед ним в офисе.

Люй Фэн внимательно слушал и быстро набрасывал замечания в блокнот. Он мысленно поклялся себе, что в следующий раз проведет тотальный дебаггинг и ни за что не отправит сырой набросок на суд старшего соученика. В работе архитектор Инь Ицяо не имел ничего общего с заботливым старшим соучеником. Он выявил в макете галереи десятки просчетов и вновь напомнил о глубинной философии проекта:

— Твоя цель — создать не очередную реплику старинного павильона, а современное

пространство, вобравшее в себя лучшие черты традиционного зодчества.

Если не смотреть на его уставшее, осунувшееся лицо, по одному лишь твердому голосу можно было подумать, что они находятся в лекционной аудитории.

— Надеюсь, рутина и увлечение мостостроением не заставят тебя позабыть о первоначальной творческой искре.

Люй Фэн поспешно закивал, заверяя:

— Да-да, в следующий раз я все тщательно продумаю, прежде чем браться за рендеринг.

В этот раз он действительно отвлекся, болтая с Зоттелем и параллельно набрасывая модель. В разговоре с иностранцем он слишком увлекся деталями традиционных садов Сучжоу, из-за чего проект незаметно скатился в чистую классику, нарушив законы современной архитектурной эстетики.

Услышав твердые обещания Люй Фэна, Инь Ицяо наконец смягчил взгляд.

— Ну вот, пожалуй, и все замечания на сегодня, — произнес он и закрыл ноутбук. — Теперь я пойду спать. А когда проснусь, отправлюсь в Ассоциацию, чтобы лично согласовать программу вашего визита в Великобританию.

Люй Фэн ничуть не удивился, узнав, кто курирует их поездку. Он тихо спросил:

— Старший соученик, пригласить нас на стажировку... это была идея профессора?

Инь Ицяо на секунду замешкался, а затем негромко рассмеялся:

— Инициатива исходила от дедушки. Но стоило ему озвучить предложение на совете директоров, как совет единогласно его поддержал.

Он прекрасно понимал опасения Люй Фэна. Тот отчаянно жаждал международного признания, но при этом панически боялся, что его успехи спишут на родственные связи или протекцию Инь Чжили. Все эти метания без труда читались на лице молодого инженера.

Однако Инь Ицяо искренне восхищался авторитетом своего деда и тем весом, который имело имя Инь Чжили в профессиональной среде.

— Ты даже не представляешь, с каким нетерпением европейские архитекторы ждут вашего приезда, — серьезно добавил Инь Ицяо. — И вы сильно недооцениваете тот интерес, который

Королевский институт британских архитекторов проявляет к современным китайским проектам. Сейчас к вам приковано внимание всего профессионального сообщества.

Тут на лице Инь Ицяо промелькнула едва заметная тень досады. Он прикрыл глаза и нехотя, со вздохом добавил:

— Ну... по крайней мере, к вашим мостам точно.

Тем временем в Королевском институте британских архитекторов полным ходом шла подготовка к приему делегации. Количество заявок от желающих присутствовать на встречах превзошло все ожидания организаторов.

— Разве господин Уильямс сейчас не занят проектом в Дубае? Почему его имя тоже в списках?

— И не только его. Господин Уэйд специально прилетает из Штатов! Он настоятельно просил забронировать за ним место на всех мероприятиях с участием китайских специалистов.

— Кхм... — вмешался один из кураторов программы. — На данный момент у нас уже более ста заявок от ведущих архитекторов. Может, стоит перенести встречи в более просторный зал?

Когда совет директоров RIBA только утверждал отправку приглашения в Государственный проектный институт Китая, многие отнеслись к этой затее скептически. В конце концов, большинство знаковых современных зданий в Китае строились по проектам западных бюро. В представлении многих европейцев Китай все еще оставался развивающейся страной, чьи финансовые возможности не соответствовали высоким запросам современного архитектурного искусства.

Они и подумать не могли, что анонс приезда китайской делегации вызовет такой ажиотаж среди мэтров, которых обычно не затащишь на подобные встречи. Более того, крупнейшие британские газеты и профильные издания наперебой запрашивали аккредитацию на освещение конференций.

— Неужели все дело в той статье? — один из сотрудников задумчиво вертел в руках утреннюю газету.

На развороте красовался снимок моста, фантастической спиралью обвивающего отвесный склон горы.

— Говорят, этот безумный серпантин — один из главных проектов, которые везет китайская делегация!

Проект моста Горы Чёрного Воробья долетел до Европы на удивление быстро. Британские журналисты пришли в неописуемый восторг от идеи возведения моста на высоте трех тысяч метров в условиях вечной мерзлоты. Сама концепция казалась им запредельно экстремальной. В присущей им манере репортеры щедро сыпали броскими эпитетами и выражали глубокий скепсис, задавая вполне резонные вопросы.

Каковы условия работы на такой высоте?

Как доставлять рабочих в глухие заснеженные ущелья?

Во сколько обойдется обслуживание скоростной трассы в горах?

Эти практические сложности волновали профессиональное сообщество гораздо сильнее, чем эстетическая ценность конструкции. Окутанный легендами Китай манил европейцев, и они жаждали поскорее оказаться на конференции, чтобы направить объективы камер на авторов этого инженерного вызова.

Возможно, простые обыватели не до конца понимали всю сложность и опасность этого проекта, но авторы статьи позаботились о наглядном сравнении:

* «Высота горы Чёрного Воробья превышает три тысячи метров — это в три раза выше самой высокой точки Великобритании! Мы искренне сомневаемся, что даже если китайцы умудрятся построить этот мост, найдется хоть один безумец, готовый по нему проехать»*.

Сравнение с местными вершинами сработало безупречно. Обычные люди, далекие от тонкостей проектирования, мгновенно осознали весь масштаб и пугающую грандиозность китайской задумки.

Даже сотрудники Ассоциации, прочитав статью, задавались теми же вопросами: о чем вообще думал автор этого проекта? Действительно ли у Китая есть технологии и ресурсы для строительства моста в столь диких условиях? И главное... рискнет ли кто-нибудь проехать по этой парящей над пропастью конструкции?

Шум в прессе нарастал по мере приближения даты прилета китайской делегации и достиг апогея, когда самолет коснулся взлетно-посадочной полосы в Хитроу.

В социальных сетях ведущих СМИ активно репостили расписание завтрашней конференции и список проектов, которые везли с собой китайские специалисты. Предстоящее событие приковало к себе внимание международной аудитории. Даже те, кто никогда не интересовался Китаем, теперь хотели узнать: что представляет собой их интеллектуальная система распределения транспортных потоков? Чем так гордится Поднебесная?

И, конечно же, всех интриговал невероятный, подозрительно дешевый мост Извилистого залива и этот безумный серпантин на высоте трех тысяч метров!

Один из членов совета директоров RIBA, господин Гарсия, нетерпеливо вглядывался в толпу, выходящую из зоны прибытия аэропорта Хитроу. При виде любой группы людей азиатской внешности он тут же дергал стоявшего рядом Инь Ицяо за рукав:

— Инь, это они?

— Нет.

— А вон те? Смотри, держатся вместе, оглядываются. Похоже, впервые в Лондоне.

Инь Ицяо мельком взглянул в указанном направлении и вздохнул: это была обычная туристическая группа школьников с сопровождающими, которые на ходу читали им инструкции по безопасности.

— Господин Гарсия, мой младший соученик наберет меня, как только они пройдут контроль, — холодно попытался урезонить его Инь Ицяо. — Вам совсем не обязательно стоять здесь со мной.

— Еще как обязательно! — отрезал Гарсия. — Ваши мосты — это, конечно, прекрасно, но меня как представителя мэрии куда больше интересует их проект умной дорожной развязки. Я должен успеть расспросить их об этой технологии до того, как их разорвут на части другие архитекторы. Надо выяснить, продадут ли они нам эту систему и на каких условиях.

Инь Ицяо понимал его мотивы. Но он также знал, что Гарсия недооценивает китайскую специфику. Эффективность китайской системы борьбы с заторами строилась не только на сложных алгоритмах умной сети, но и на дисциплине граждан, а также на способности дорожной полиции прибыть на место происшествия в течение пятнадцати минут. Впрочем, портить настроение Гарсии он не стал. Главное, чтобы этот чиновник не отнимал драгоценное время у Люй Фэна.

Инь Ицяо продолжал всматриваться в бесконечный поток пассажиров. Наконец в его кармане завибрировал телефон. Он быстро ответил на звонок и услышал тихое, родное: «Старший соученик».

Почти одновременно в толпе показалась сплоченная делегация из Китая. Они с любопытством оглядывали шумный терминал аэропорта. Среди них выделялся высокий, стройный молодой человек в легкой спортивной куртке, кативший за собой дорожный чемодан. Он шел чуть позади старших коллег, прижимая к уху мобильный.

— Мы приземлились. Директор У сейчас ищет представителя Ассоциации, так что мы можем...

Люй Фэн не успел договорить, что они встретятся в отеле, как услышал тот же голос прямо перед собой.

— Сяо Фэн.

Люй Фэн удивленно поднял глаза и увидел стоявшего в паре шагов Инь Ицяо — безупречно одетого, статного и улыбающегося. Он растерянно посмотрел на телефон, потом на старшего соученика и глупо спросил:

— Ты почему здесь?

Инь Ицяо лишь тихо рассмеялся, проигнорировав вопрос. Он аккуратно забрал из рук Люй Фэна чемодан, мягко увлек его за собой и оставил формальности с делегацией на подбежавшего Гарсию.

Сияющий представитель RIBA тут же засыпал китайских гостей приветствиями, а сопровождавший его переводчик принялся ловко переводить его восторженную речь. Очень скоро вся делегация почувствовала на себе легендарное британское гостеприимство.

Китайские специалисты заняли места в комфортабельном автобусе. Инь Ицяо сел рядом с Люй Фэном, явно не собираясь упускать его из виду ни на минуту.

Один из сотрудников института тихонько шепнул директору У Инци:

— Я думал, молодежь сразу сбежит гулять по Лондону.

— Не переживайте, — отозвался У Инци. — Люй Фэн очень дисциплинирован. Раз уж прилетел с нами, то до самого конца будет держаться группы.

Директор перевел взгляд на передние сиденья. Ему было любопытно наблюдать за Инь Ицяо, который без колебаний поехал со всеми на обычном трансферном автобусе ради того, чтобы просто посидеть рядом с младшим сотоварищем.

Автобус мягко тронулся и покатил по старинным улочкам Лондона. Гарсия увлеченно обсуждал технические детали интеллектуального управления дорожным движением с представителем дорожного филиала Государственного проектного института. Переводчик тем временем переквалифицировался в гида, увлеченно рассказывая гостям об истории великой столицы.

Люй Фэн смотрел в окно на знакомые очертания лондонских зданий, и в его душе просыпался

чистый, детский восторг туриста. Они проехали мимо Тауэрского моста, миновали Биг-Бен — казалось, водитель специально вез их кружным путем, чтобы показать главные достопримечательности города.

Наконец застройка сменилась зелеными холмами пригорода. И вдруг на фоне густой листвы Люй Фэн заметил знакомые очертания крыши, плавно изгибающейся среди вековых деревьев. Его взгляд словно приковало к этому силуэту. Автобус завернул за поворот, и здание открылось во всем своем великолепии.

Это была библиотека Лита — нежное, парящее строение, гармонично вписанное в окружающий пейзаж. Маршрут к загородному отелю-замку пролегал прямо мимо этого шедевра. Люй Фэн знал, что Инь Ицяо обязательно покажет ему готовую библиотеку. Но он не ожидал увидеть свое детище вот так — внезапно, прямо из окна автобуса.

— Наш отель расположен на вершине холма, — негромко произнес Инь Ицяо, заметив, как замер Люй Фэн. — С тамошней смотровой площадки открывается потрясающий вид на ущелье и библиотеку Лита. Это лучшее место для созерцания.

Люй Фэн не отрывал взгляда от здания.

— Так это и есть твой обещанный сюрприз?

Инь Ицяо загадочно улыбнулся:

— Это лишь часть сюрприза. Главное впереди.

Дорога к отелю извивалась серпантином вокруг озерной долины, где раскинулась библиотека. С каждым поворотом здание открывалось с нового ракурса, напоминая мягкий древесный лист, бережно опущенный на воду. Оно идеально воплощало первоначальную задумку Люй Фэна — хрупкий союз человеческой мысли и первозданной природы.

Вскоре необычное строение заметили и другие члены китайской делегации. Уставшие после долгого перелета инженеры начали удивленно переговариваться:

— А это что за здание?

— Какая странная архитектура... Но почему-то кажется очень знакомой.

— Точно! Посмотрите на эти огромные панорамные окна сбоку. Я определенно где-то видел этот эскиз!

В салоне автобуса поднялся оживленный гул. Большинство приехавших оказались в Англии

впервые, но этот проект они знали наизусть.

Директор У Инци пригляделся к зданию и внезапно осекся.

— Люй Фэн! — крикнул он с заднего сиденья. — Неужели это твой проект?!

Эти слова мгновенно расставили все на свои места. Коллеги, до дыр засмотревшие чертежи Люй Фэна, поняли, что перед ними — реальное воплощение его дипломной работы. Тот факт, что библиотека построена и функционирует, а сам автор скромно молчал об этом, поверг делегацию в легкий шок. Усталость как рукой сняло. Автобус взорвался восторженными поздравлениями и расспросами. Все ждали от молодого инженера бурных эмоций.

Однако Люй Фэн уже успел подзабыть технические детали создания этого проекта. В памяти осталось лишь то щемящее чувство, с которым он его рисовал.

— Да, проект действительно мой, — негромко ответил он. — Но я не принимал участия в строительстве. Так что это заслуга архитектурного бюро «С. Е».

Коллегам его слова показались проявлением благородной скромности — мол, я лишь набросал эскиз, а построили другие. Но для Инь Ицяо эта фраза прозвучала как болезненное, резкое желание откреститься от собственного детища.

Все вокруг увлеченно фотографировали здание через стекло, а Люй Фэн просто молча смотрел на него. В его глазах сквозила легкая, едва уловимая грусть, мотивы которой Инь Ицяо не мог разгадать.

— Тебе не нравится? — тихо спросил он. — Что-то построили не так, как ты планировал?

— Нет, старший соученик, — мягко ответил Люй Фэн. — Она получилась даже лучше моих чертежей. Она идеально вписалась в этот пейзаж.

Но это здание принадлежало Англии и стояло на чужой земле. Люй Фэн проводил взглядом теплый свет панорамных окон, за которыми виднелись силуэты читающих людей и полки с книгами.

— Просто... этот проект остался в архивах «С. Е». Он больше не имеет ко мне отношения.

Инь Ицяо нахмурился. Он надеялся, что возвращение в Великобританию подарит Люй Фэну радость. Что тот будет с гордостью рассматривать свое творение и вместе с ним предаваться ностальгии по студенческим годам. Но Люй Фэн оставался пугающе спокоен. Словно эта прекрасная библиотека, собравшая восторженные отзывы критиков, была нарисована чужой рукой.

Автобус медленно заехал на территорию замка-отеля. В салоне все еще шумно обсуждали увиденную библиотеку, но Инь Ицяо погрузился в глубокое молчание.

Люй Фэн, конечно, заметил перемену в настроении старшего соученика. Он вспомнил, с каким искренним восторгом пьяный Инь Ицяо рассказывал ему о награде за библиотеку Лита, и укорил себя за холодный, почти неблагодарный ответ. Ему стало неловко, и он уже повернулся, чтобы объясниться...

Но в этот момент двери автобуса с шипением распахнулись, и Люй Фэн замер.

На парковке у входа в отель стоял пожилой мужчина в безупречном классическом костюме-тройке. Несмотря на преклонный возраст и седину, от всей его фигуры веяло поразительным теплом и аристократическим величием.

Все мысли о недомолвках с Инь Ицяо мгновенно вылетели у Люй Фэна из головы. Сердце бешено заколотилось, а в ушах зашумело от нахлынувшего волнения. Не веря собственным глазам, он смотрел на человека, который терпеливо ждал их приезда.

Люй Фэн поспешил к выходу вслед за первыми пассажирами. Но стоило ему сойти на землю и встретиться взглядом с сияющим лицом Инь Чжили, как он робко остановился. Ему хотелось сказать так много, но горло перехватило, и он не мог подобрать правильных слов для приветствия.

Инь Чжили словно почувствовал его смятение. Он добродушно рассмеялся и громко спросил по-китайски:

— Ну как тебе, Сяо Фэн? Хороша моя вторая родина?

Эта простая, лишенная пафоса фраза мгновенно разрушила стену времени и долгой разлуки. Люй Фэн сделал шаг вперед и негромко, борясь с подступившим к горлу комком, ответил:

— Учитель... Наша общая родина тоже прекрасна.

Он выдавил слабую улыбку, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— И с каждым днем она становится только лучше.

<http://bllate.org/book/20104/2003817>